

РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ В ЗЕРКАЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Миколай Банашкевич*

Институт истории, Ягеллонский университет,
Краков, Польша

Цитирование: Банашкевич М. (2017) Русский либерализм эпохи великих реформ в зеркале Октябрьской революции. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(4): 51–69. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.3>

Аннотация. Статья посвящена роли, которую сыграл в дореволюционной России либерализм эпохи великих реформ. Автор объединяет три исследовательские перспективы: социологию социальных изменений, антропологию (memory studies) и историю идей. В статье охарактеризованы современные интерпретации связей между эпохой великих реформ и революциями 1917 г. Эти два периода истории Российской империи объединяют процессы модернизации, запущенные в царствование Александра II. Автор сосредотачивается на социальном аспекте модернизации 60-х и 70-х гг. XIX в., аргументируя, что абсолютизация политической перспективы искажает образ событий. На самом деле многие люди той эпохи были озабочены направлением общественных преобразований, начало которым положила отмена крепостного права. Автор показывает, что в следующие десятилетия эпоха великих реформ была для российского общества важным «местом памяти». Отношение к законодательным инициативам того периода отражало отношение к либеральным идеям вообще. Отличительной чертой последних была идея равенства. Эгалитарные устремления русских либералов основывались на этическом протесте против несправедливости существующего расслоения общества. Распространению этих взглядов способствовала либеральная печать. Автор доказывает, что парадигма Октября (тезис о неизбежности революции в России) отодвигает на второй план либеральные достижения: рост значения публичной сферы и уверенности в моральном равенстве людей. Между тем эти достижения способствовали постепенному формированию гражданского общества. Октябрьская революция прервала этот процесс, но не отменила исторических заслуг либерализма эпохи великих реформ.

Ключевые слова: либерализм, реформа, революция, модернизация, Россия, 1917 год, Александр II

Предварительные замечания

Сходство русских революций 1917 г. с Великой французской революцией отнюдь не исчерпывается схожестью исторических процессов, хотя историческая компаративистика способствует более глубокому пониманию

* E-mail: mikolaj.banaszkiewicz@gmail.com

сущности резких социальных и политических изменений. С точки зрения современного исследователя, по меньшей мере столь же важна парадоксальная на первый взгляд констатация, что ни одна из этих революций еще не завершилась. Причина их длительности — конкурирующие друг с другом исторические нарративы, подогреваемые бесконечным спором о происхождении революции, спором, терзающим политическое сознание его участников. Ведь по сути дела эти разнородные истории говорят об идентичности, что исключает дистанцию по отношению к описываемым явлениям (Фюре 1998: 19–20). Если следовать интерпретационному указанию, данному в «Старом порядке и революции» Алексисом де Токвилем, который анализировал 1789 г. не как событие, а как составляющую длительного процесса (Токвиль 2008: 7–9), то очевидной становится необходимость объединить историческую, социологическую и антропологическую перспективы. Установленное таким образом зеркало революций 1917 г. отражает не только хронологически близкие к ним картины, но и явления, более отдаленные во времени. Среди последних видное место занимают эпоха великих реформ и формировавшийся на ее пороге русский либерализм.

Начало эпохи великих реформ отделяют от революций 1917 г. почти пятьдесят лет, вследствие чего их взаимосвязь отнюдь не очевидна. Как правило, в своих работах, посвященных Февралю и Октябрю, российские авторы даже не упоминают о царствовании Александра II (Ерофеев 2009: 92–108, Чураков 2009: 104–115). Быть может, таким образом подчеркивается отказ от формационного подхода в марксистской версии, согласно которому «буржуазные» преобразования начались с отмены крепостного права (Пантин 2013: 135). Не исключено также, что дело в нежелании использовать пресловутую ленинскую аксиому: «1861 год породил 1905-й» (Ленин 1973: 177). Как показал «круглый стол», организованный 10 лет назад редакцией журнала «Российская история», в современной российской исторической науке противостоят друг другу два противоположных взгляда на причины событий 1917 года (Февральская... 2007: 3–30). Помимо по-прежнему живой марксистской тенденции, подчеркивающей неизбежность краха царской и буржуазной России, появилась также охранительная концепция, утверждающая, что революция прервала естественное развитие Российской империи. Обе эти теории вызывают споры (Мартынов 2015: 138–139). Даже если не существует причинно-следственной цепочки, соединяющей либерализм эпохи великих реформ с революцией, все равно стоит проследить связь последней с модернизацией, начатой в 60-е годы XIX в. Косвенную связь преобразований времен Александра II и революций 1917 г. с императивом стремления к современности хорошо передает формула: «Две родные сестры модернизации — благоразумная Реформа и взбалмошная реформа, отчаянная Революция» (Журавлев 2008: 93).

Вопрос этот оказался в центре внимания современных российских исследователей, работающих на стыке социологии и истории. Все они размышляют о причинах системного кризиса, охватившего Россию в последние десятилетия царизма, и единодушно отвергают исторический детерминизм как удовлетворительное объяснение краха Российской империи. По мнению А.Н. Медушевского, к катастрофе привели неспособность или нежелание правящих верхов постепенно, эволюционным путем выполнять требования революции. Согласно этой интерпретации, кризис охватил не социоэкономическую сферу, а сознание элит. Модернизация приобрела вид общественных и культурных преобразований, которые в долгосрочной перспективе должны были привести к возникновению гражданского общества. Причиной деструкции был не дух реформ, а их половинчатое осуществление, что привело к непригодности устаревших политических институтов к системе новых ценностей, овладевших умами подданных-граждан. Иначе говоря, к беде привело несоответствие политики властей меняющимся нуждам общества (Медушевский 2011: 3, 15, 17, 20, 23). В свою очередь Ю.С. Пивоваров считает, что перемены 60-х и 70-х гг. XIX в. углубили цивилизационный раскол и кризис культурной самоидентификации россиян, начавшийся во времена Петра Великого. Обострение конфликтов между общественными слоями было вызвано резкими социоэкономическими изменениями. Распад традиционного порядка вел к росту напряженности, который усиливался из-за невозможности согласовать две мировоззренческие системы: западных «просвещенных» элит и масс. А, значит, неизбежность распада старого мира вытекала из того, что большая часть общества отвергла модернизационные ценности (Пивоваров 1994: 120–122, 127, 136–137, 157, 160–161). Наконец, на взгляд Б.Н. Миронова, заметный еще в начале XX в. кризис русского *ancien régime*, как это ни парадоксально, доказывает его жизнеспособность, а вовсе не предвещает близкую агонию. Миронов видит чреватую последствиями трещину в дореволюционном обществе, однако в нарастающих противоречиях и конфликтах усматривает успех перемен. По его мнению, хотя конфликт между традицией и современностью, усилившийся в эпоху великих реформ, и создавал условия для начала революции, он все же не играл решающей роли. Это Первая мировая война привела к тому, что временный (а не перманентный) системный кризис завершился трагическим концом (Миронов 2013: 35, 38).

Вышеизложенные концептуализации — далеко не все, что написано на тему связей эпохи великих реформ с революционным эпилогом монархии Романовых. Их ценность заключается не только в ответах, которые они дают, но и в том, что они побуждают к самостоятельным поискам ответов на важные вопросы. Один из этих вопросов касается истинного значения социального аспекта модернизации Российской империи.

Социологическая перспектива: социальный аспект модернизации в эпоху великих реформ

В настоящее время публицистические дискуссии закрепили расхожее мнение, будто суть модернизации заключается в политических изменениях, положительная оценка которых зависит от того, приближают ли они данную страну к либерально-демократической модели. Внимание сторонников этого подхода приковывают институциональные преобразования, которые должны поддержать реформы и расширить возможность граждан участвовать в политике, но в то же время призваны не допустить политической дестабилизации. Спорность такой трактовки кроется в сформулированной *expressis verbis* предпосылке, что единственный достоверный показатель продвижения государства по пути модернизации — это место и роль в структуре политических институтов законодательной власти, в которой у каждой социальной группы есть свои представители. Анализ, ориентированный на этот показатель, может привести нас к заключению, что главным препятствием России на пути к современности была невозможность (неспособность?) провести фундаментальную политическую реформу, в то время как во всех остальных отношениях перспективы были благоприятными (Ланцов 2001: 93, 96).

Вышеизложенные критические замечания не должны склонить нас к мнению, будто при изучении модернизации политическая сфера имеет второстепенное значение. Напротив, анализ социальных изменений в России в отрыве от политического контекста (особенно роли государства) был бы противоестественным. И все же у нас есть основания полагать, что социологическая направленность исследований позволит лучше понять сущность либерализма эпохи великих реформ. По представлениям того времени, критерием прогресса было равенство социальных возможностей индивидуумов. Речь шла не о том, чтобы отодвинуть политику на второй план — ведь общественные преобразования не происходят самопроизвольно, но являются результатом сознательных действий, которые вытекают из определенных ценностей, направлены на достижение конкретных целей и призваны преобразить действительность.

Большинство работ, посвященных временам царствования Александра II, отдает предпочтение политической перспективе, недооценивая вопросы, связанные с преобразованием российского общества. Такая тенденция явственно обозначилась в годы, отделяющие революционные события 1905–1907 гг. от потрясения 1917 г. Это произошло потому, что многоплановые дискуссии начала XX в. достигли кульминации именно в политической плоскости. Данное обстоятельство сделало правдоподобной телеологическую интерпретацию, согласно которой с конца XVIII в. осью развития Рос-

сии был конфликт между сторонниками сохранения самодержавия в неизменном виде и поборниками преобразования государства в конституционную монархию. Однако у нас нет причин, чтобы и сегодня поддаваться тогдашним эмоциям и некритически соглашаться с абсолютизацией политической сферы. Подобный редукционизм противоречит восприятию российских реформ многими умеренными общественными деятелями и учеными, которые во второй половине XIX в. были озабочены прежде всего направлением развития общества.

Следует отметить, что вопрос этот крайне интересовал В.О. Ключевского, пионера исторической социологии. В 1886 г. он даже подготовил курс лекций, посвященных исключительно формированию в России сословий (Ключевский 1989: 225–391). Выводы, к которым он пришел, полезны по сей день и продолжают оставаться точкой отсчета для современных исследований. Наиболее ценные замечания Ключевского касаются изменений характера социальных неравенств под влиянием великих реформ, а также неоднозначных последствий процесса эмансипации. Следует помнить, что русский историк проверял истинность своих выводов методом «включенного наблюдения» — ведь он был очевидцем преобразований, начатых в царствование Александра II. Непреходящую ценность вклада Ключевского в социологию справедливо подчеркнули участники «круглого стола», посвященного его историографическому наследию (Устарела ли история... 2012: 97–99).

Взгляд на русский «долгий XIX век» сквозь призму общественных перемен заставляет нас обратить особо пристальное внимание на эпоху великих реформ. Неслучайно политический нарратив тоже ставит этот период истории Российской империи в привилегированное положение, что ярко иллюстрирует главная экспозиция Государственного музея политической истории России «Человек и власть в России в XIX–XXI столетиях». Однако можно ли быть уверенным, что восприятие современного исследователя и музейного работника совпадает с мнением свидетелей русских революций 1917 года?

Антропологическая перспектива: эпоха великих реформ в русской коллективной памяти

Историку русской политической мысли второй половины XIX в., интересующемуся реальным влиянием идейных течений на общественное мнение, на помощь приходит социальная антропология, а точнее, тот ее раздел, который принято называть *memory studies*. Инструментарий исследований памяти позволяет с большой точностью изучать коллективную идентичность сторонников политических идеологий, в том числе, разумеется, и либералов. Эпоха великих реформ запечатлелась в памяти как ее деятелей, так и немых свидетелей. Прошедшие годы и десятилетия отнюдь не ослабили

символического влияния реформаторских начинаний времен Александра II на общественное сознание. Конечно, живую память непосредственных участников событий со временем вытесняли представления следующих поколений, сформированные в иных политических условиях и отфильтрованные идейной атмосферой новых десятилетий. Общей для всех оставалась уверенность в том, что в первой половине 60-х гг. XIX в. в Российской империи произошли фундаментальные изменения. Их семантическим отражением стало повсеместно принятое разделение истории на дореформенный и пореформенный периоды. Неслучайно символический 1861 год (год отмены крепостной зависимости) приобрел ранг места памяти, объединившего в признании его значимости все общество, которое, независимо от социального положения его членов, торжественно провозглашало учредительный акт обновленной России. Правда, единодушные относительно значения отмены крепостного права вовсе не означало единой линии интерпретации происхождения и последствий запущенного процесса. Как заметила российская исследовательница, празднование очередных годовщин событий 19 февраля вскрыло конфликтный характер воспоминаний, связанных с этой датой, тем самым обнажая глубокие противоречия внутри общества, в том числе в сфере культивируемых ценностей и исповедуемых идей (Леонтьева 2016: 242–243).

Однако не подлежит сомнению, что трепетное отношение к памяти о начатых в царствование Александра II реформах, расширивших гражданские свободы, оставалось прерогативой либеральной части общественного мнения. В этом не следует усматривать назойливого обращения к прошлому или ностальгии по утраченным шансам на продолжение реформы в либеральном духе. Напротив: юбилейные репрезентации, явные отпечатки которых носит публицистика, издававшаяся в то время в органах печати русского либерализма, отражали скорее картину желательного направления перемен, т. е. были ориентированы на ближайшее или более отдаленное будущее. Они были также лакмусовой бумажкой, идентифицировавшей противоборствующие стороны политической дискуссии, которая велась под видом исторической. И, наконец, они были верным способом призвать к действию сторонников враждующих политических лагерей (Родигина, Коркина 2012: 240, 252, 254, 260–261). Коммеморативные практики нередко приводили к мифологизации эпохи великих реформ, которая казалась ее приверженцам чуть ли не раем, потерянным в результате цареубийства. В начале XX в. многим либералам эта эпоха казалась непрерывной чередой начинаний, которые вели Россию к идеалу современности. Поэтому многочисленные свидетельства верности наследию эпохи великих реформ не могут быть полностью достоверным источником знаний об этом периоде истории, а лишь показывают силу воздействия представлений о данной эпохе

на человеческие умы. Устойчивость этих представлений не подлежит дискуссии, ибо для представителей либеральной элиты они были своего рода *profession de foi*. Нет также причин усматривать в популяризации либерального мировоззрения исключительно интенциональную попытку повлиять на общественное мнение: проведенные в последние годы исследования политической мифологии не исключают спонтанного возникновения мифов (Рязанова 2011: 91). Однако сейчас стоило бы задуматься над тем, были ли они укоренены в действительности. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо провести анализ реформаторских замыслов и их осуществления с точки зрения связывавшей их идеологии.

Перспектива истории идей: социальные изменения как идея фикс либерализма

В литературе предмета нет единодушия относительно даты окончания эпохи великих реформ. Однако не вызывает сомнений, что царствование Александра II не было сплошной чередой единообразных реформаторских начинаний, о чем свидетельствуют и государственные деятели того времени. Это было следствием не только резких политических поворотов (таких как покушение Каракозова в 1866 г.), но и непостоянного характера царя, а также его стиля правления, заключавшегося в уравнивании влияний разных фракций Комитета министров. Дискуссия о необходимости единых действий велась на протяжении последующих лет, но не дала положительного результата. Однако уже сам факт того, что она имела место, свидетельствует об отсутствии единой политической линии. Важная оговорка: после 1861 г. явление антиреформизма практически исчезло — иными словами, все идейные группы стремились к дальнейшим реформам, хотя и по-разному понимали форму, которую намеревались им придать. С этой точки зрения усматривать когерентность в основных законодательных инициативах 60-х и 70-х годов XIX в. — недоразумение. И все же увязывание «великих реформ» с либерализмом не вызывало тогда возражений, поскольку именно так воспринимались отмена крепостного права, земские учреждения (1864), судебная реформа (1864), введение всеобщей воинской повинности (1874), а также неосуществленное намерение ввести подоходный налог. Никому не пришло бы в голову именовать так, к примеру, консервативную реформу образования графа Д.А. Толстого. Иначе говоря, причисление какого-либо правового акта к числу великих реформ имело оценочный характер и было равнозначно рассмотрению его как части некоего целого. Поэтому попытка найти их общий знаменатель в виде идеологии (Захарова 2005: 154–155) имеет под собой основания.

Трудно переоценить значение эпохи великих реформ для формирования русского либерализма. Именно тогда теоретическое направление, которое

раньше выражало лишь идеи, циркулировавшие в узкой элитарной среде, превратилось в практическое течение, которому пришлось решать конкретные проблемы, связанные с модернизацией системных механизмов. Либерализм перестал быть исключительно частью интеллектуального пейзажа и стал важным элементом политического устройства, медленно, но неуклонно приобретавшим все большее значение. Умеренные либералы пытались пробить стену, возводившуюся консерваторами, и в то же время защитить страну от деструктивных концепций левых радикалов. В поведении первых они усматривали намеренное препятствование развитию общества, т. е. искусственную попытку остановить прогресс; в деятельности вторых видели страсть к разрушению при отсутствии способностей к созиданию. Несмотря на неблагоприятные условия, они сумели привлечь «центристов», готовых из чувства ответственности за будущее отказаться от форсирования решений, которые невозможно осуществить (Итенберг, Шелохаев 2001: 5). Иными словами, модерантизм либералов имел веские причины и сдерживал их замыслы.

Преобладающее в современных исследованиях интерпретационное течение идентифицирует русский либерализм со стремлением гарантировать экономические, гражданские и политические права индивидуума в правовом государстве с конституционной формой правления. Такой подход, делающий упор на форму правления, исключает возможность достижения вышеперечисленных целей в условиях самодержавия, а тем самым исключает из числа либералов сторонников реализации по крайней мере некоторых либеральных ценностей с помощью политического инструментария абсолютной монархии (Гоголевский 1996: 7). Трудно отделаться от впечатления, что очерченный нами подход представляет собой попытку экстраполировать опыт двух первых десятилетий XX в. на более ранний период, для которого характерны совершенно иные условия. Нет никаких причин соглашаться с этим приемом, чрезмерно упрощающим сущность русского либерализма эпохи великих реформ. В действительности его главное течение не было в то время антиабсолютистским, что принципиально отличало его от западноевропейского либерализма (Ryan 2007: 367–368). Лишь дефинитивное избрание Александром III консервативного политического курса, олицетворением которого стал манифест от 29 апреля 1881 г. «О незыблемости самодержавия», склонило большинство либералов к пересмотру своей позиции.

Надежды, возлагавшиеся русскими либералами на абсолютистское государство, не были исключительно российским феноменом. Идентичное отношение к абсолютизму было свойственно, к примеру, родоначальникам польского либерализма еще в XVIII в. Чтобы понять мотивацию либералов эпохи великих реформ, следует учесть ключевой элемент их мировоззре-

ния — эгалитаризм. Желание рассмотреть этот вопрос отнюдь не вытекает из намерения преуменьшить роль находящейся на вершине иерархии либеральных ценностей свободы; к этой парадоксальной на первый взгляд точке зрения нас склоняет интерес русской мысли к широко понимаемому социальному вопросу и упор, который она делает на последствия социального неравенства. Большинство западноевропейских либералов XIX в. было откровенно антиэгалитарным, поскольку усматривало в равенстве опасность унификации и, тем самым, ограничения свободы индивидуума, которая проявляется во всей полноте только в разнородности. Однако в различных вариантах русского либерализма изначально присутствовал мотив эгалитаризма.

Как заметил П. Келли, «основой либерального эгалитаризма является, прежде всего, уверенность в моральном значении и достоинстве человеческой личности». Рудиментом этой доктрины следует признать индивидуализм, но беспепелляционно связывать его с разобщенностью индивидуумов и полным распадом общественных уз было бы чрезмерным упрощением. На самом деле теория о равном статусе людей предполагает лишь, что человек находится на вершине иерархии этических ценностей, а значит, теория эта не определяет идентичности отдельных членов сообщества — у нее нет амбиций навязывать эту идентичность или, тем более, формировать ее. Либеральный эгалитаризм отделяет общественные условия, в которых функционирует человек, от этического значения индивидуума. Он не подвергает сомнению идентичность, полученную в конкретных общественных условиях, но и не допускает, чтобы она могла нарушить моральное равенство людей. Практическая трудность либерального эгалитаризма заключается в том, чтобы найти такие политические решения, которые обеспечили бы осуществление сформулированного в философской плоскости тезиса о равном статусе индивидуумов (Kelly 2005: 9–10).

В российских условиях второй половины XIX в. эгалитаристские устремления либералов выражались в попытках преобразовать сословное общество в бессловное, т. е. такое, в котором позиция индивидуумов и групп не зависит от рождения и принадлежности к определенному общественному слою. Идея эта находила свое обоснование во вдохновленном европейской философией моральном протесте против потакания несправедливости, но источником ее жизнеспособности была уверенность в том, что уравнивание социальных шансов — необходимое и безальтернативное условие модернизации России, каковая модернизация, в свою очередь, была залогом сохранения самодержавным государством статуса империи. Здесь соединились два императива: этический (социальные изменения как осуществление идеи социальной справедливости) и государственный (прогресс как движущая сила державной идеи). Это обстоятельство сделало возможным союз части

имперской бюрократии, которую представлял *spiritus movens* великих реформ военный министр Д.А. Милютин, с авангардом общественного мнения, т. е. с либеральными общественными деятелями и публицистами. Это был прочный союз, ибо он был продиктован не тактическими соображениями, но общностью убеждений и представлений о желаемом виде общества будущего. Об этом ясно свидетельствуют, с одной стороны, дневниковые записи Милютина (Милютин 2010: 77, он же 2013: 463–464), а с другой — тон мемуарных статей, опубликованных в либеральной печати после его смерти (Корнилов 1912: 1–2, Чубинский 1912: 333–334).

Солидарное взаимодействие Д.А. Милютина с популяризаторами либеральных идей в 60-е и 70-е годы XIX в. заставляет задуматься над справедливостью мнений о том, что западноевропейский политический лексикон не подходит для описания российской действительности (Рибер 1992: 50), а также о реформах того времени как синтезе консерватизма и либерализма (Филиппова 1996: 99), о либерально-консервативном, а не либеральном характере политических идей, продвигавшихся их сторонниками (Пустарнаков 2001: 27) и, наконец, о печати патернализма, лежащей на российских реформах (Ермоленко 2001: 160). В философских и политологических категориях вышеперечисленные обобщающие формулы вполне обоснованны, особенно если центральное место в анализе занимает категория государственности. Однако социологический уклон анализа подсказывает, что нам следует придерживаться строгого разграничения либеральной и консервативной тенденций. В апогей эпохи великих реформ именно отношение к социальным изменениям было лакмусовой бумажкой обоих идеологических направлений. Достаточно упомянуть дискуссию о принципе бессловности, спровоцированную намерением ввести всеобщую воинскую повинность, в чем усматривали почти социальную революцию. Эпистолярная и мемуарная литература являют множество примеров непримиримости представителей противоборствующих идейных лагерей. Ни инициаторы реформ, ни, тем более, их противники не были заинтересованы в компромиссе, но последовательно стремились к осуществлению своих концепций (Христофоров 2016: 51). Другое дело, что либерализм (как, впрочем, и консерватизм) был внутренне неоднородным, о чем наглядно свидетельствуют различные его типологии (Медушевский 2010: 529). Речь идет не только о разделении на идеологию (теория) и общественно-политическое движение (практика). Идейные дискуссии, которые шли во второй половине XIX в., наводят на мысль, что в России действительно сосуществовали разные либерализмы, причем разграничения не соответствовали сословной принадлежности их «носителей».

Несмотря на то, что библиография трудов, посвященных либерализму, обширна (Макаров 2015: 361–389), целые пласты этой проблематики оста-

ются *terra incognita*. Как это ни парадоксально, нам по-прежнему не слишком много известно о ведущих либеральных органах печати. Между тем углубленное изучение периодической печати второй половины XIX в. позволило бы реконструировать мир представлений «просвещенного» подданного Российской империи. Предложение обратиться к прессе при изучении политической мысли прозвучало уже много лет назад (Итенберг 1999: 499). Чтобы сделать это надлежащим образом, потребовалось бы привлечение целых исследовательских коллективов. Частичный и косвенный ответ на вопрос об эффективности воздействия либеральных газет и журналов на общественное сознание должен быть получен благодаря гранту «Круг чтения русского либерала во второй половине XIX века», который выделил автору этой статьи польский National Science Centre. В сущности, цель гранта — взглянуть на дореволюционный русский либерализм (водоразделом служит революция 1905 г.) сквозь призму восприятия зарубежной литературы на страницах печати. В качестве источников используются библиографические обзоры, печатавшиеся в главных либеральных периодических изданиях — как в ежедневных газетах («Голос», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русские ведомости»), так и в ежемесячных журналах («Вестник Европы», «Русская мысль»). Анализ рецензий должен показать смысл, который вкладывался в разбираемые публикации, призванные популяризировать либеральные ценности в общественных отношениях. Думается, что без учета газетной и журнальной публицистики невозможно понять, почему либерализм был столь привлекателен для части российского общественного мнения. Его популярность росла не благодаря изошренным трудам мыслителей (К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина), но благодаря систематическому воздействию того, что один исследователь несколько пренебрежительно назвал «вульгарным либерализмом» (Гуторов 2016: 20). Судя по всему, программа социополитических и социоэкономических преобразований нашла самое полное отражение именно в газетной и журнальной публицистике. Во всяком случае, в эпоху великих реформ ее лейтмотивом были социальные, а не политические перемены.

Заключительные замечания

Можно ли сказать, что история дореволюционного русского либерализма есть история проигравших, как провокационно заметил один из участников недавней дискуссии о судьбах и перспективах этого течения политической мысли? (Российский либерализм 2015: 82) Разумеется, утверждение, что со временем в Российской империи восторжествовали бы либеральные идеи, беспочвенно. Косность властной элиты и консервативное мировоззрение преобладающей части российского общества заставляют усомниться в гипотетической победе либерализма. Однако истинной мерой успеха этого

течения и общественного движения было его влияние на воображение людей. И это влияние стало фактом, несмотря на все попытки дискредитировать либерализм, предпринимавшиеся сторонниками сохранения статус-кво, с одной стороны, и революционными радикалами — с другой.

Одним из серьезных достижений, вдохновленных либеральными идеями эпохи великих реформ, был рост значения в России публичной сферы (Малинова 2011: 465–471). Правда, общественное мнение так и не стало равноправным партнером власти, а его требования часто отодвигались на второй план, что, в частности, привело к революции 1905 г. — настоящей революции снизу. Однако растущее значение общественного мнения отразилось в дискуссиях на страницах газет и журналов (не только либеральных). Несмотря на цензурные ограничения, они формировали понятийный мир читателей, способствуя появлению у них идеи гражданственности (Lohr 2006: 173–182). Постепенно расширяющаяся публичная сфера — важный показатель политической эволюции, даже вопреки правящим кругам. Ведущую роль на трудном и не завершенном до 1917 г. пути к созданию в России гражданского общества, играла печать. Ступить на этот путь было бы невозможно без предварительного внушения общественному сознанию либеральной уверенности в пользе свободного обмена мнениями. В свою очередь, ни повышение престижа публичной сферы, ни осуществление идеи гражданственности не были бы возможны без антиэлитного подхода либералов эпохи великих реформ, видевших залог успеха преобразований в эгалитаризации общественных отношений.

Оценка эпохи великих реформ и либерализма (в том числе «вульгарного») второй половины XIX в. должна освободиться от оков парадигмы Октября. Попытки возложить вину за падение Российской империи на либеральный дух модернизации являют собой своеобразный пример логической ошибки *post hoc ergo propter hoc*. В сущности, невозможно приписать последнему пятидесятилетию монархии Романовых единую идейную коннотацию. В этот период применялись разные способы решения социальноэкономических и социополитических проблем, и ни один из них не был доведен до конца. Однако непоследовательные попытки преодолеть отставание от Западной Европы не являются достаточным доказательством того, что революция произошла вследствие «исторической необходимости». Сценарий эпохи великих реформ не был известен заранее и не детерминировал революционного финала. Легко утверждать, что уже тогда обозначались явные симптомы упадка. Однако дисфункции государственного аппарата, структурные недуги общества и рост радикализма не были ни для кого секретом, и им пытались противодействовать. Парадигма 1917 г. ставит под сомнение веру современников *ex post* в альтернативы развития (Confino 1994: 851). Более того, она лишает значения дилеммы русских либералов и их противни-

ков. Между тем именно эти дилеммы делали политический выбор вполне реальным.

Октябрьская революция обнажила неспособность русских либералов XX в. противостоять сильным общественным потрясениям. Она показала также их бессилие перед лицом галопирующей инфляции радикализма, появлению которой они сами способствовали. Однако поскольку в зеркале революции мы ищем ответ на вопрос о ее происхождении, а не только подтверждение отрицательного баланса, стоило бы позаботиться, чтобы оно не показывало деформированный образ отражаемых предметов. Эпоха великих реформ с фундаментальными для нее либеральными ценностями в общественной (не политической!) сфере навсегда стала частью идентичности российских либералов, но в то же время осталась историческим ориентиром для всех политических течений. Либерализм 60-х и 70-х годов XIX в. сделал уменьшение структурных социальных неравенств необходимым условием модернизации Российской империи. Наконец, бесспорной заслугой либерализма того времени было то, что он привил российскому общественному мнению представления о субъектном равенстве индивидуумов и недопустимости сохранения несправедливых общественных отношений. Отрицательный баланс Российской империи в области социальной политики не должен отражаться на оценке либерализма эпохи великих реформ, в чьих идеалах многие видят предвестие 1917 года. Глубокий взгляд в зеркало октябрьской революции дает гораздо более нюансированную картину.

Перевод с польского языка Никиты Кузнецова и Марии Рогинской

Выражение благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке National Science Centre, Poland (проект N 2016/21/D/HS3/02433).

Литература

Гоголевский А.В. (1996) *Очерки истории русского либерализма XIX — начала XX века*. СПб.: Изд. СПбГУ.

Гуторов В.А. (2016) Российский либерализм как исторический и политический феномен: от утопии к реальности. *Либерализм: pro et contra. Антология*. СПб.: РХГА: 9–116.

Ермоленко Т.Ф. (2001) Патерналистские интенции российского либерально-консерватизма. Нарезный А.И. (ред.) *Либеральный консерватизм: история и современность*. М.: РОССПЭН: 151–160.

Ерофеев Н.Д. (2009) Современная отечественная историография русской революции 1917 года. *Новая и новейшая история*, 2: 92–108.

Журавлев В.В. (2008) К проблеме ритмики российского исторического процесса. Шелохаев В.В. (ред.) *Долг и судьба историка. Сборник статей памяти доктора исторических наук П.Н. Зырянова*. М.: РОССПЭН: 91–100.

Захарова Л.Г. (2005) Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории? *Отечественная история*, 4: 151–167.

Итенберг Б.С. (1999) Некоторые вопросы изучения русского либерализма XIX века. Шелохаев В.В. (ред.) *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы*. М.: РОССПЭН: 491–502.

Итенберг Б.С., Шелохаев В.В. (2001) Предисловие. *Российские либералы*. М.: РОССПЭН: 3–12.

Ключевский В.О. (1989) История сословий в России. *Сочинения в девяти томах*. Т. 6. *Специальные курсы*. М.: Мысль: 225–391.

Ланцов С.А. (2001) Российский исторический опыт в свете концепции политической модернизации. *ПОЛИС. Политические исследования*, 3: 93–102.

Леонтьева О.Б. (2016) Как реформа стала Великой: отмена крепостного права как «место памяти» в исторической культуре императорской России. *Диалог со временем*, 56: 229–245.

Макаров Н.В. (2015) *Русский либерализм конца XIX — начала XX века в зеркале англо-американской историографии*. М.: Памятники исторической мысли.

Малинова О.Ю. (2011) Особенности публичной сферы и дискурс о национальной «самобытности» в России середины XIX в.: к постановке проблемы. Шелохаев В.В. (ред.) *Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления*. М.: РОССПЭН: 461–478.

Мартынов М.Ю. (2015) Модернизация и революция. *Социологические исследования*, 7: 133–139.

Медушевский А.Н. (2010) Либерализм. Шелохаев В.В. (ред.) *Российский либерализм середины XVIII — начала XX века. Энциклопедия*. М.: РОССПЭН: 527–533.

Медушевский А.Н. (2011) Великая реформа и модернизация России. *Российская история*, 1: 3–27.

Миронов Б.Н. (2013) Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации. *Социологические исследования*, 10: 29–39.

Пантин И.К. (2013) К вопросу о характере Октябрьской революции. *ПОЛИС. Политические исследования*, 6: 131–144.

Пивоваров Ю.С. (1994) *Политическая культура пореформенной России*. М.: ИНИОН.

Пустарнаков В.Ф. (2001) Либеральный консерватизм и либерализм в России XIX — начала XX в. Различия и сходства. Нарезный А.И. (ред.) *Либеральный консерватизм: история и современность*. М.: РОССПЭН: 11–30.

Рибер А. (1992) Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ. Захарова Л.Г., Эклоф Б., Бушнелл Дж. (ред.) *Великие реформы в России 1856–1874*. М.: Изд. Московского университета: 44–72.

Родигина Н.Н., Коркина М.А. (2012) Юбилей реформ Александра II как феномен общественной жизни России второй половины XIX в. Лапин В.В. (ред.)

Александр П. *Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей*. СПб.: Изд. ЕУСПб: 240–261.

Российский либерализм: судьбы и перспективы («круглый стол») (2015). *Общественные науки и современность*, 6: 80–89.

Рязанова С.В. (2011) Политическая мифология как актуальная проблема гуманитарных дисциплин. *Общественные науки и современность*, 1: 86–96.

Устарела ли история по Ключевскому? «Круглый стол» (2012). *Общественные науки и современность*, 2: 92–109.

Февральская революция 1917 года в российской истории. «Круглый стол» (2007). *Российская история*, 5: 3–30

Филиппова Т.А. (1996) Российское реформаторство второй половины XIX века: проблема либерально-консервативного синтеза. Сахаров А.Н. (ред.) *Реформы и реформаторы в истории России*. М.: Институт российской истории РАН: 96–104.

Фюре Ф. (1998) *Постижение Французской революции*. СПб.: ИНАПРЕСС.

Христофоров И.А. (2016) Великие реформы: истоки, контекст, результаты. Шелохаев В.В. (ред.) *Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.* В 4 т. Т. 3: *Вторая половина XIX — начало XX в.* М.: РОССПЭН: 14–183.

Чураков Д.О. (2009) 1917 год в современной историографии: проблемы и дискуссии. *Новая и новейшая история*, 4: 104–115.

Confino M. (1994) Present events and the representation of the past. *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*, 35 (4): 839–868.

Kelly P. (2005) *Liberalism*. Cambridge — Malden, MA: Polity Press.

Lohr E. (2006) The Ideal Citizen and Real Subject in Late Imperial Russia. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 7(2): 173–194.

Ryan A. (2007) Liberalism. In: Goodin R.E., Pettit P., Pogge T. (eds.) *A Companion to Contemporary Political Philosophy*. Malden, MA – Oxford – Carlton, Victoria: Blackwell Publishing: 360–382.

Источники

Корнилов А.А. (1912) Граф Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912). *Речь*, 40: 1–2.

Ленин В.И. (1973) «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. *Полн. собр. соч.*, 5 изд., т. 20. М.: Политиздат: 171–180.

Милютин Д.А. (2010) *Дневник 1882–1890*. Захарова Л.Г. (ред.). М.: РОССПЭН.

Милютин Д.А. (2013) *Дневник 1891–1899*. Захарова Л.Г. (ред.). М.: РОССПЭН.

Токвиль А. де (2008) *Старый порядок и революция*. СПб.: Алетейя.

Чубинский М.П. (1912) Памяти Д.А. Милютина. *Вестник Европы*, 9: 316–338.

RUSSIAN LIBERALISM OF THE ERA OF GREAT REFORMS IN THE MIRROR OF THE OCTOBER REVOLUTION

*Mikolaj Banaszkiwicz**

Institute of History, Jagiellonian University, Cracow, Poland

Citation: Banaszkiwicz M. (2017) Russkiy liberalizm epokhi velikikh reform v zerkale Oktyabr'skoy revolyutsii [Russian Liberalism of the Era of Great Reforms in the Mirror of the October Revolution]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(4): 51–69 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.3>

Abstract. The following article is devoted to the role played by liberalism of the Era of Great Reforms in pre-revolutionary Russia. The author aims to combine three research perspectives: sociology of social changes, memory studies and history of ideas. The paper presents modern interpretations of the relations between the Great Reforms Era and the revolutions of 1917. What linked them together were the modernization processes launched during the reign of Alexander II. The author focuses on the social dimension of modernization of the 60s and 70s of the 19th century, arguing that absolutization of a political perspective distorts its image. In fact, the main concern of contemporaries was the direction of the transformation of society, initiated by the abolition of serfdom. The Era of Great Reforms was an important site of memory for the Russians in the decades to come. The attitude towards legislative undertakings of that period reflected the attitude towards liberal ideas in general. The latter were characterized by the idea of equality. The egalitarian aspirations of the Russian liberals derived from the ethical opposition to the injustice of existing social divisions. The author argues that the 1917 paradigm (the thesis of the inevitability of the Russian Revolution) obscures liberal achievements: contributing to the expansion of public sphere and instilling conviction about the moral equality of people. Meanwhile, these achievements favoured the gradual formation of civil society. The October Revolution disrupted this process, but it did not invalidate historic merits of the liberalism of the Era of Great Reforms.

Keywords: liberalism, reform, revolution, modernization, Russian Empire, 1917, Alexander II

Acknowledgement

The work was supported by the National Science Centre, Poland (Project No. 2016/21/D/HS3/02433).

References

Churakov D.O. (2009) 1917 god v sovremennoy istoriografii: problemy i diskussii [1917 in contemporary historiography: problems and discussions]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Current History Journal], 4: 104–115 (in Russian).

* E-mail: mikolaj.banaszkiwicz@gmail.com

Confino M. (1994) Present events and the representation of the past. *Cahiers du monde russe : Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*, 35 (4): 839–868.

Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda v rossiyskoy istorii. "Kruglyy stol" [The February revolution of 1917 in Russian history. "Round table"] (2007). *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], 5: 3–30 (in Russian).

Filippova T.A. (1996) Rossiyskoye reformatorstvo vtoroy poloviny XIX veka: problema liberal'no-konservativnogo sinteza [Russian reformism of the second half of the 19th century: the problem of liberal-conservative synthesis]. In: Sakharov A.N. (ed.) *Reformy i reformatory v istorii Rossii* [Reforms and reformers in the history of Russia]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN: 96–104 (in Russian).

Furet F. (1998) *Postizheniye Frantsuzskoy revolyutsii*. Saint-Petersburg: INAPRESS (in Russian).

Gogolevskiy A.V. (1996) *Ocherki istorii russkogo liberalizma XIX — nachala XX veka* [Essays on the history of Russian liberalism of the 19th and early 20th centuries]. Saint-Petersburg.: Izdatel'stvo SPbGU (in Russian).

Gutorov V.A. (2016) Rossiyskiy liberalizm kak istoricheskiy i politicheskiy fenomen: ot utopii k real'nosti [Russian liberalism as historical and political phenomenon: from utopia to reality]. In: *Liberalizm: pro et contra, antologiya* [Liberalism: pro et contra, anthology]. Saint-Petersburg: RKhGA: 9–116 (in Russian).

Itenberg B.S. (1999) Nekotoryye voprosy izucheniya russkogo liberalizma XIX veka [Several questions of studying XIXth century Russian liberalism]. In: Shelokhayev V.V. (ed.) *Russkiy liberalizm: istoricheskiye sud'by i perspektivy* [Russian liberalism: historical fates and prospects]. Moscow: ROSSPEN: 491–502 (in Russian).

Itenberg B.S., Shelokhayev V.V. (2001) Predisloviye [Foreword]. In: *Rossiyskiye liberaly* [Russian liberals]. Moscow: ROSSPEN: 3–12 (in Russian).

Kelly P. (2005) *Liberalism*. Cambridge — Malden, MA: Polity Press.

Khristoforov I.A. (2016) Velikiye reformy: istoki, kontekst, rezul'taty [The great reforms: origin, context, results]. In: Shelokhayev V.V. (ed.) *Reformy v Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XX v. v 4 tomakh, t. 3: Vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.* [Reforms in Russia from ancient times to the end of the 20th century in 4 volumes, vol. 3: The second half of the XIX — the beginning of the XX century]. Moscow: ROSSPEN: 14–183 (in Russian).

Klyuchevskiy V.O. (1989) Istoriya sosloviy v Rossii [The history of estates in Russia]. In: *Sochineniya v devyati tomakh, t. 6 Spetsial'nyye kursy* [Works in nine volumes, vol. 6 Special courses]. Moscow: Mysl': 225–391 (in Russian).

Lantsov S.A. (2001) Rossiyskiy istoricheskiy opyt v svete kontseptsii politicheskoy modernizatsii [Russian historical experience in the light of the concept of political modernization]. *POLIS. Politicheskkiye issledovaniya* [Polis. Political Studies Journal], 3: 93–102 (in Russian).

Leontieva O.B. (2016) Kak reforma stala Velikoy: otmena krepostnogo prava kak "mesto pamyati" v istoricheskoy kul'ture imperatorskoy Rossii [The reform turning great: the abolition of serfdom as a "place of memory" in historical culture of imperial Russia]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 56: 229–245 (in Russian).

Lohr E. (2006) The ideal citizen and real subject in late imperial Russia. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 7(2): 173–194.

Makarov N.V. (2015) *Russkiy liberalizm kontsa XIX — nachala XX veka v zerkale anglo-amerikanskoy istoriografii* [Russian liberalism of the late XIX — early XX century in the mirror of Anglo-American historiography]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli (in Russian).

Malinova O.Yu. (2011) Osobnosti publichnoy sfery i diskurs o natsional'noy «samobytnosti» v Rossii serediny XIX v.: k postanovke problemy [Peculiarities of the public sphere and discourse on the national «self-sufficiency» in Russia in the mid-19th century: the formulation of the problem]. In: Shelokhayev V.V. (ed.) *Obshchestvennaya mysl' Rossii: istoki, evolyutsiya, osnovnyye napravleniya* [Russian Social Thought: Origins, Evolution, Main Directions]. Moscow: ROSSPEN: 461–478 (in Russian).

Martynov M.Yu. (2015) Modernizatsiya i revolyutsiya [Modernization and revolution]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 7: 133–139 (in Russian).

Medushevskiy A.N. (2010) Liberalizm [Liberalism]. In: Shelokhayev V.V. (ed.) *Rossiyskiy liberalizm serediny XVIII — nachala XX veka. Entsiklopediya* [Russian liberalism from the middle of the XVIII to the beginning of the XX century. Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN: 527–533 (in Russian).

Medushevskiy A.N. (2011) Velikaya reforma i modernizatsiya Rossii [The great reform and the modernization of Russia. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History Journal], 1: 3–27 (in Russian).

Mironov B.N. (2013) Russkaya revolyutsiya 1917 goda kak pobochnyy produkt modernizatsii [Russian revolution of 1917 — a side-product of modernization]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 10: 29–39 (in Russian).

Pantin I.K. (2013) K voprosu o kharaktere Oktyabr'skoy revolyutsii [On the nature of the October Revolution]. *POLIS. Politicheskkiye issledovaniya* [Polis. Political Studies Journal], 6: 131–144 (in Russian).

Pivovarov Yu.S. (1994) *Politicheskaya kul'tura poreformennoy Rossii* [The political culture of post-reform Russia]. Moscow: INION (in Russian).

Pustarnakov V.F. (2001) Liberal'nyy konservatizm i liberalizm v Rossii XIX — nachala XX v. Razlichiya i skhodstva [Russian liberal conservatism and liberalism in XIX — early XX century. Differences and similarities]. In: Narezhnny A.I. (ed.) *Liberal'nyy konservatizm: istoriya i sovremennost'* [Liberal conservatism: history and modernity]. Moscow: ROSSPEN: 11–30 (in Russian).

Rieber A. (1992) Gruppyvyye interesy v bor'be vokrug Velikikh reform [Interest-group politics in the era of the great reforms]. In: Zakharova L.G., Eklof B., Bushnell J.S. (eds.) *Velikiye reformy v Rossii 1856–1874* [Russia's great reforms, 1856–1874]. Moscow: Izd. Moskovskogo universiteta: 44–72 (in Russian).

Rodigina N.N., Korkina M.A. (2012) Yubilei reform Aleksandra II kak fenomen obshchestvennoy zhizni Rossii vtoroy poloviny XIX v. [Jubilees of Alexander II's reforms as a phenomenon of public life in Russia in the second half of the 19th century] In: Lapin V.V. (ed.) *Aleksandr II. Tragediya reformatora: lyudi v sud'bakh reform, reformy v sud'bakh lyudey* [Alexander II. The tragedy of the reformer: people in the fate of reform, reform in the destinies of people]. Saint-Petersburg: Izd. YeUSPb: 240–261 (in Russian).

Rossiyskiy liberalizm: sud'by i perspektivy («kruglyy stol») [Russian Liberalism: Fates and Prospects (Round table)] (2015). *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 6: 80–89 (in Russian).

Ryan A. (2007) Liberalism. In: Goodin R.E., Pettit P., Pogge T. (eds.) *A Companion to Contemporary Political Philosophy*. Malden, MA — Oxford — Carlton, Victoria: Blackwell Publishing: 360–382.

Ryazanova S.V. (2011) Politicheskaya mifologiya kak aktual'naya problema gumanitarnykh distsiplin [Political mythology as a topical issue of humanities]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 1: 86–96 (in Russian).

Ustarela li istoriya po Klyuchevskomu? „Kruglyy stol” [Is Kluchevsky’s vision of history outdated? Round table] (2012). *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’* [Social Sciences and Contemporary World], 2: 92–109 (in Russian).

Yermolenko T.F. (2001) Paternalistskiye intentsii rossiyskogo liberal’nogo konservatizma [Paternalistic intentions of Russian liberal conservatism]. In: Narezhnny A.I. (ed.) *Liberal’nyy konservatizm: istoriya i sovremennost’* [Liberal conservatism: history and modernity]. Moscow: ROSSPEN: 151–160 (in Russian).

Yerofeyev N.D. (2009) Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya russkoy revolyutsii 1917 goda [Contemporary domestic historiography of the Russian revolution of 1917]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Current History Journal], 2: 92–108 (in Russian).

Zakharova L.G. (2005) Velikiye reformy 1860–1870-kh godov: povorotnyy punkt rossiyskoy istorii? [The great reforms of 1860–1870-ies: a turning point in Russian history] *Otechestvennaya istoriya* [National History Journal] 4: 151–167 (in Russian).

Zhuravlev V.V. (2008) K probleme aritmii rossiyskogo istoricheskogo protsessa [On the problem of irregularity of Russian historical process]. In: Shelokhayev V.V. (ed.) *Dolg i sud’ba istorika. Sbornik statey pamyati doktora istoricheskikh nauk P.N. Zyryanova* [Duty and fate of the historian. Collection of articles in memory of the doctor of historical sciences P.N. Zyryanov]. Moscow: ROSSPEN: 91–100 (in Russian).